

Пролог

Габриэль Венс стоял перед массивной дверью, стараясь унять дрожь. Он не был зеленым юнцом: с двенадцати лет служил во флоте, причем оказался не самым младшим членом команды, а за прошедшие с тех пор шесть лет не раз слышал пушечную канонаду, видел смертельные болезни, участвовал в подавлении мятежа и в шестнадцать лет уже стал командиром захваченного французского корабля, на котором и вернулся в Портсмут. Но ничто не страшило его так, как встреча с тем, кто находился за этой дверью.

Отдавшись на волю судьбы, Габриэль набрал полную грудь воздуха, отрывисто постучал, а потом распахнул дверь и вошел в кабинет деда. Адмирал Венс сидел за столом, сдвинув брови, а при виде внука встал и нахмурился еще сильнее.

Высокий, седой, негнибаемый, точно вековой дуб, он не стал тратить время на любезности.

— Ты опозорил наше имя! Многие поколения Венсов служили в королевском флоте, ни разу не запятнав чести. Ты — первый!

Габриэль с трудом сдержал дрожь.

— Мне очень жаль, что я разочаровал вас, сэр.

— Ты отлично справлялся. Я гордился тобой. А потом все пошло прахом. — Лицо старика исказила гримаса боли. — Лучше бы ты погиб в бою!

Габриэль вспомнил своих товарищей, чьи тела превратились в кровавое месиво от французских ядер: прекрасный способ снискать себе славу, который удовлетворил бы старого адмирала, — только вот умирать ему совсем не хотелось.

— Простите, что ослушался вас, — постаравшись придать голосу твердости, произнес Габриэль. — Но вам известна причина моей отставки.

— Если бы не она, а еще твоя молодость и имя, не избежать бы тебе военного трибунала и виселицы! — рявкнул адмирал. — Хоть ты и заслужил именно это.

Не желая кривить душой, Габриэль выпалил:

— В подобных обстоятельствах я поступил бы точно так же.

— Ты даже не раскаялся, подлец! Убирайся с глаз моих долой! — прорычал адмирал. — И не возвращайся до тех пор, пока не смоешь позор со своего имени!

От этих слов кровь в жилах Габриэля превратилась в лед.

— Как скажете, сэр, — натянуто ответил молодой человек, отдал адмиралу честь и, развернувшись на каблуках, вышел из кабинета, зная, что никогда больше не увидит старика.

Габриэль ничего не видел вокруг, направляясь к выходу, когда дорогу ему преградила ба-

4 бушка.

— О, мой дорогой мальчик! — Дама заключила внука в теплые объятия, словно это был малыш, а вовсе не взрослый молодой человек на голову выше ее. — Все так плохо?

— Он больше не хочет меня видеть. — Габриэль обнял бабушку, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться, как ребенок. — До тех пор, пока я не верну себе доброе имя. А это значит — никогда, потому что понятие чести для деда неотделимо от службы на флоте. Но меня выгнали со службы, и свое имя очистить не удастся. Никогда.

— О, мой дорогой Габриэль! — Бабушка разжала объятия, и в уголках ее глаз блеснули слезы. — Он так строг лишь потому, что очень любит тебя.

Была ли это любовь? Или адмирал смотрел на внука как на средство поддержания семейных традиций, а не на живого человека с собственным мнением и судьбой? Габриэлю казалось, он знает ответ.

— Дедушка не станет по мне скучать, ведь у него есть другие внуки.

— Верно, но ты всегда был его любимцем, — мягко сказала бабушка. — Как бы то ни было, я считаю, что ты поступил правильно, и горжусь тобой.

Ее слова принесли некоторое успокоение, и Габриэль поцеловал бабушку в мягкую щеку.

— Спасибо.

— Что теперь будешь делать?

Габриэль медлил с ответом, поскольку сейчас ни о чем, кроме неизбежного и жестокого разговора с дедом, думать не мог.

— Не знаю. Поищу место на торговом судне, наверное.

Бабушка внимательно посмотрела на внука.

— Ты стал бы моряком, будь у тебя выбор?

Вопрос проник в самую душу Габриэля. Он задумался о море с его переменчивостью и непостоянством, поражающем красотой и внушающем ужас, пробуждающем в душе радость и навевающим бесконечную скуку, и честно ответил:

— Не знаю. Скорее, нет, но другой жизни я не знаю.

— Что бы ты ни выбрал, делай свое дело хорошо, — удивила его бабушка. — И прошу: пиши мне, и не забывай о своей тетушке Энн.

— Непременно, — пообещал Габриэль, не в силах даже представить, что может потерять единственного человека, в чьей любви никогда не сомневался. — Я буду подписываться другим именем, чтобы не раздражать деда.

— Пусть это будет Хокинс, — улыбнулась бабушка. — Это одно из твоих имен. К тому же Джек Хокинс — прославленный английский мореплаватель.

Бабушка всегда удивляла его своим чувством юмора.

— Так тому и быть. Отныне я Габриэль Хокинс.

Обняв пожилую даму на прощание, молодой человек шагнул навстречу будущему, о котором даже не помышлял.

Глава 1

Лондон, осень 1814 года

Лорд и леди Лоуренс наслаждались приятным вечером в библиотеке, когда доставили письмо. Дворецкий лично принес его графу. Сильвия Лоуренс взглянула на послание, завернутое в грязный промасленный лоскут: свидетельство того, что оно проделало долгий путь, — и быстро спросила:

— Это от Рори? Мы так давно не получали от нее известий! Может, она возвращается домой?

Развернув письмо, граф пробежал глазами по строкам, а потом смачно выругался. Сильвия знала, кто мог вывести мужа из себя и заставить сквернословить.

— На этот раз твоя дочь, леди Аврора Октавия Лоуренс, превзошла себя!

— Она и твоя дочь тоже, — заметила Сильвия, и в душе ее зародилось беспокойство. — Что случилось?

— Это письмо британского консула в Алжире. Чертову девчонку похитили пираты, что промышляют у берегов Африки, и теперь требуют за нее огромный выкуп!

Охваченная ужасом, Сильвия испуганно охнула.

— Но как это возможно? Я думала, что пираты перестали похищать людей, после того как американцы заключили с ними договор.

— Этим негодьям договоры не указ, — с горечью произнес граф. — Консул пишет, что нашей дочери не причинили вреда, но ее отправили в гарем и продадут в рабство, если мы не заплатим выкуп.

Он швырнул письмо на стол с такой силой, что изящное гусиное перо на письменном приборе подлетело в воздух.

— Пятьдесят тысяч фунтов! Пятьдесят тысяч! Пусть делают с ней что хотят, черт возьми! Я не заплачу и полпенни, чтобы вернуть девчонку назад!

— Джеффри, ты же это не всерьез! — выдохнула Сильвия. — Ведь наша младшая дочь всегда была твоей любимицей.

— До тех пор пока не выросла и не стала источником постоянных неприятностей. — Сдвинув брови, граф посмотрел на жену. — Она не захотела выйти замуж и потратила на путешествия все наследство, оставленное ей двоюродным дедом. Она умна. Так что пусть выпутывается из этой переделки самостоятельно. Я больше не могу себе позволить тратить на нее столько денег.

— Но она же наша дочь!

— И что с того? — Сэр Лоуренс немного остыл, и недавний гнев уступил место боли. — Да, я граф, но у меня нет таких денег. Мне потребовались годы, чтобы расплатиться с долгами

отца. К тому же тебе известно, чего нам стоило устроить жизнь остальных восьмерых детей.

— Благодарение Господу, они все живы и здоровы, — заметила графиня. — Думаешь, кого-то из них нужно было бросить на произвол судьбы?

Граф вздохнул.

— Нет, конечно, но в попытке обеспечить им достойное будущее я истощил семейный бюджет. У нас нет денег, чтобы заплатить такой непомерный выкуп даже за Рори.

Сильвия закусила губу: им действительно было сложно добыть деньги, чтобы устроить старших детей.

— Но рабство в Африке, Джеффри! Это же настоящее бедствие. Только представь себе те ужасы, которые выпадут на ее долю!

Граф упрямо поджал губы.

— Рори достаточно привлекательна, чтобы избежать худшей участи. Возможно, она станет любимой наложницей турецкого наместника в Алжире. Прости, Сильвия, но Рори сама виновата. — Голос графа сорвался, в глазах полыхнула боль. — Ей и расплачиваться за свои ошибки.

Графиня отшатнулась. Джеффри счел, что сумма выкупа слишком велика, и теперь даже пальцем не пошевелит, чтобы помочь дочери. Дама закрыла глаза и содрогнулась, когда ее сознание наводнили ужасные картины. Она глубоко любила всех своих детей, но Рори была совершенно особенным ребенком. Именно поэтому Сильвия назвала ее Авророй в честь богини утренней зари.

Аврора очень быстро превратилась в Рори — хохотушку и проказницу. Да, она иногда попадала в переделки, но лишь из-за своей любви к жизни, а не по злему умыслу.

Сильвия хорошо знала своего мужа. Теперь, когда он проанализировал ситуацию и понял, что ничего не сможет сделать, — попросту захлопнет перед Рори дверь и сосредоточится на более насущных проблемах, которые ему по плечу, а воспоминания о дочери похоронит, чтобы не испытывать боли, хотя ночных кошмаров ему не избежать.

Если муж и принял такое решение, это вовсе не означало, что и Сильвия должна поступить так же. В Лондоне у всех на слуху было имя человека, который мог решить любую проблему: это аристократ, обладающий многочисленными связями с самыми разными людьми. Она непременно нанесет ему визит поутру. Возможно — да поможет ей Господь! — он подскажет, как вернуть их дочь домой.

*Шхуна «Зефир»
Порт на Темзе, Англия*

Мальчишкой Габриэль мечтал стать отважным капитаном парусного судна, капером, как Дрейк или его легендарный тезка сэр Джек Хокинс, однако мечты эти не включали в себя долгие тоскливые недели в открытом море, изъеденное насекомыми печенье и твердокаменные галеты.

Еще бы никаких отчетов, но составлять их все же время от времени приходилось, чтобы знать, как обстоят дела, и чтобы «Зефир» держался на плаву. Габриэль, как капитан и владелец корабля, понимал, что бухгалтерия необходима. К счастью, его последняя миссия в Америку, целью которой было спасение одной английской вдовы, попавшей в затруднительное положение, оказалась весьма прибыльной, благодаря щедрости родственников вышеозначенной дамы, а еще ему чудесным образом удалось избежать столкновения с британскими военными кораблями, курсирующими в Чесапикском заливе.

Габриэль с радостью отложил в сторону гроссбух, когда Ландерс, его рыжеволосый первый помощник, постучал по дверному косяку и вошел в каюту.

— Доброе утро, капитан. Завтра-послезавтра мы закончим загрузку провизии. Вот список продуктов, которые мы ожидаем.

Ландерс передал листок Габриэлю, и тот, пробежав список глазами, кивнул.

— Не беда, если мы немного задержимся. Паруса Халфорда стоят того, чтобы их дождаться. Пренебрегать хорошей оснасткой не стоит.

Габриэль вернул список Ландерсу, и тот поинтересовался:

— Куда отправимся?

— Хороший вопрос. — Габриэль откинулся на спинку стула, прочно прикрученного к дуговому полу, и рассеянно почесал за ухом

серо-белого кота, свернувшегося клубочком на столе. — Пока не знаю. Теперь, когда Наполеон в ссылке, а британцы вступили в мирные переговоры с американцами, блокада везде снята, так что придется заняться перевозкой грузов. Это не так прибыльно, зато безопасно.

— Похоже, я старею, — со вздохом произнес двадцатилетний Ландерс. — Мы столько раз уворачивались от пушечных ядер, что слово «безопасно» просто бальзам на душу.

— Даже без ядер море может нас с легкостью уничтожить, если ослабить самоконтроль, — сухо ответил Габриэль, которому уже перевалило за тридцать и он повидал достаточно опасностей, чтобы согласиться с товарищем. — Мужчина не должен сидеть без дела, да и опыта морских путешествий нам хватает, так что подумываю отправиться в Китай за партией чая.

— «Зефир» хоть и скоростное судно, но путешествие очень долгое. — Ландерс немного помедлил, прежде чем продолжить: — Я не готов на такое подписаться. Кроме того, к весне будет готово первоклассное каботажное судно, которое строит мой папаша. Пожалуй, пришло время вернуться домой, в Мэриленд, и подыскать себе жену, пока всех подходящих не разобрали.

— Мне будет тебя не хватать, — с искренним сожалением произнес Габриэль. — Но торговля с Китаем действительно не слишком подходит семейному человеку. Тебе пора стать капи-

Романтично настроенный Ландерс спросил:

— А ты не думал остепениться и обзавестись красавицей-женой?

Брови Габриэля взметнулись вверх.

— Я до сих пор не знаю, на какой стороне Атлантики хотел бы поселиться, да и красавицы мне как-то не попадаются. Так что мой ответ — нет.

— Если решишь поселиться в Сент-Майклсе, гарантирую: недостатка в красавицах не будет, — с улыбкой пообещал Ландерс.

— Первый помощник капитана решил освоить смежную специальность сводника? — съязвил Габриэль.

— У меня есть очень симпатичная кузина по имени Нелл, — ничуть не обиделся Ландерс. — Хорошенькая как картинка, а уж готовит! Попробовав ее изумительный вишневый пирог даже ангелы взмолились бы о добавке.

Габриэль изобразил самый свирепый взгляд и нарочито гневно бросил:

— Вон!

Но кого он хотел обмануть? Уловка не сработала, и Ландерс со смехом скрылся за дверью, а Габриэль вновь погрузился в расчеты, однако мысли его блуждали где-то далеко.

На долю Габриэля выпало немало тягот, но за прошедшие годы он научился с ними справляться, и, более того, его жизнь сложилась так, что теперь он сам мог решать, как жить, но проблема заключалась в том, что он не знал, каким хотел видеть свое будущее.

Габриэль не мог сосредоточиться на работе, поэтому когда Ландерс снова постучал и просунул голову в дверь, даже обрадовался.

— К тебе мистер Киркланд: судя по его виду, что-то у него стряслось.

Киркланд? Это имя было ему знакомо, но вот откуда... Габриэль встал из-за стола, чтобы встретить гостя.

Высокий темноволосый джентльмен, появившийся в каюте, наклонился, чтобы не удариться головой о косяк, причем совершенно непринужденно, что говорило о привычке находиться на борту корабля. Этот импозантный, хорошо одетый джентльмен совершенно не производил впечатления руководителя тайной организации, а уж шпиона тем более.

— Вы ведь не просто мистер Киркланд, а легендарный лорд Киркланд, верно? — догадался Габриэль.

Гость улыбнулся.

— Если бы меня назвал легендарным наш общий друг, я бы воспринял это как сарказм.

— В моих словах сарказма нет... ну, разве что самая малость, — улыбнулся Габриэль, протягивая гостю руку, и не кривил душой, поскольку действительно испытывал к этому джентльмену уважение. — Добро пожаловать на «Зефир», лорд Киркланд.

Гость крепко пожал руку Габриэлю и заметил:

— Меня просто устроит «Киркланд». Уделите мне несколько минут. Я хотел бы с вами

14 обсудить одно предложение.

Что такого мог предложить ему шпион? Заинтригованный Габриэль указал гостю на стул:

— Время у меня есть.

Киркланд ошеломленно заморгал, когда с письменного стола сорвалось и скрылось за дверью серо-белое пятно.

— Это был кот?

— Да. Живет на корабле. Отлично ловит мышей, но пуглив: не любит попадаться на глаза. — Габриэль пересек каюту и закрыл дверь. — Кстати о нашем общем друге... Вы виделись с Гордоном и бесстрашной Келли после их возвращения в Лондон?

— Да, они процветают. — Киркланд опустил на стул. — Именно во время обсуждения миссии Гордона он посоветовал мне свести с вами знакомство, поскольку вы прекрасно справляетесь с разного рода щекотливыми поручениями.

— Включающими в себя странствия по морям, я полагаю? — спросил Габриэль, занимая место напротив гостя. — Но чем я могу вам помочь при ваших-то возможностях?

— Вашим опытом и знанием северных берегов Африки, — коротко ответил Киркланд.

Габриэль ощутил, как по шее побежали мурашки.

— С чего вы взяли, что я обладаю и тем и другим?

— Гордон обмолвился, что в одну из ночей на пути в Америку вы разговорились, перебрав бренди, — пояснил Киркланд, и в глазах его заплясали веселые искорки. — Гордона